

Георгий Завершинский

АТОМНЫЙ пастырь

Издательство
Московской Патриархии
Русской Православной
Церкви

Москва 2019

И ПРОИЗОШЛА НА НЕБЕ ВОЙНА:
 МИХАИЛ И АНГЕЛЫ ЕГО
 ВОЕВАЛИ ПРОТИВ ДРАКОНА,
 И ДРАКОН И АНГЕЛЫ ЕГО
 ВОЕВАЛИ ПРОТИВ НИХ,
 НО НЕ УСТОЯЛИ, И НЕ НАШЛОСЬ
 УЖЕ ДЛЯ НИХ МЕСТА НА НЕБЕ.

Откр. 12, 7–8

Иссиня-бледное лицо лежащего на больничной постели человека не подавало особых надежд — его состояние не улучшалось. Напротив, было ясно, что ему становится хуже. Рядом с постелью на невысоком стульчике сидела миловидная женщина средних лет. Её худощавое лицо было сосредоточенно, очки сползли на нос, а в широко открытых больших глазах читалось: я с тобой, рядом, и так будет всегда! Глубина её бесконечной заботы навела на мысль об особенной близости этих людей. И действительно, они были супругами.

— Анечка, милая, — ясно произнёс мужчина, — ты не могла бы подложить мне подушку, чтобы поудобней прилечь на кровати?

— Да, Саша... — она пристроила подушку к железной спинке

кровати. — Так хорошо, тебе удобно? Достать твои дневники?

— Прекрасно! — он присел и улыбнулся. — Да-да, пожалуйста, — блокнот и ручку, они в тумбочке.

— Не могу найти, где они? — Она открыла верхний ящик и заглянула внутрь.

— Ну там, на верхней полочке, рядом с футляром для очков, пошарь рукой...

— Ага, кажется, нашла... футляр.

— Ну и... смотри там справа.

Анна склонилась над тумбочкой у постели своего мужа. Он тревожно следил за ее движениями. Так пациент смотрит за движениями медсестры в ожидании обезболивающего укола. Ещё немного и отпустит... бесконечно тянущаяся боль ослабнет, а потом затихнет совсем.

— Поройся там, как следует, Аня.

— Вот, нашла наконец!

— Спасибо, — его словно что-то отпустило, — ты же знаешь, моя терапия — писать и писать, не останавливаясь, чтобы не потерять мысли. И главное, успеть дописать.

— Да, Саша, знаю.

Наконец появился блокнот с надписью «Исповедь» и ручка. Больной успокоился и, поудобней расположившись на постели, с благоговением приступил к просмотру текста. На его сосредоточенном лице отражалась каждая запя-

тая или, наоборот, отсутствие запятой там, где ей нужно быть.

•••

Какое наслаждение, когда боли нет! Бытие вновь подступает со всей энергией — «жизнь жительство» — от своего любимого выражения отец Александр, настоятель маленького подмосковного храма, ощущал приток радости, подобно той, что схватывала сердце у него, читавшего древние слова Иоанна Златоуста во время пасхальной службы. Когда это было?! В больнице время замерло, как будто заржавел часовой механизм и висевшие над главным входом часы ходили все медленней и медленней.

Тем не менее стрелка всё-таки приближалась к отмеченному рубежу. Скоро должен был зазвонить звонок, и он не звонил.словно тот рубеж всеми силами отодвигали, не соглашаясь, чтобы начался звон. По кому же сегодня зазвонит колокол?

— Как у тебя в поликлинике, Аня?

— Вчера сняли заведующего нашим отделением, и... никто не знает, до каких времён его место будет вакантным.

— Как до каких? Пока я не выздоровею, чтобы ты смогла его занять, — попытался отшутиться отец Александр.

— Хм... не назначили бы ту даму из главка, помнишь, что настойчиво выясняла, как у нас

в отделении. Потом, наверное, отчёты составляла...

— А откуда наверху о нас узнают? Вот и собирают понемногу, кто что расскажет да напишет. Но если всё хорошо, так и писать вроде бы не о чем.

— Такого не бывает, чтобы «всё хорошо». Изъяны находят в самых неожиданных вещах... даже там, где их и быть не могло.

— М-да?

— Вот шприцы одноразовые как неожиданно появились, так и закончились. Вернулись к прежнему — кипятим по старинке использованные, а тут распоряжение — только одноразовые! Но где их взять?! Что ж, обезболивание отменить?! Представь-ка, приходит утром к тебе сестра и говорит: «Сегодня обезболивания не будет, шприцов для трамала нет!»

— И я, стиснув зубы, те-ер-плю-у... — отец Александр грустно улыбнулся. А какое смирение от боли бывает, у-ух!

— Ты все о своём, батюшка, а скольким людям невыносимо тяжело будет только лишь оттого, что сверху поступил приказ. Хорошо бы так, но кроме бумаги с подписью и реальные шприцы нужны.

— Эх, права ты, милая! — полный «одобрямс»... — он с нежностью посмотрел на супругу.

— Действительно, разве на всех набережься, — кому-то в упаковке безопасная защита от вируса, а кому-то терпеть и смириться.

Сидевшая на стуле рядом с постелью женщина замолчала, а священник уже просматривал записи, что-то исправлял и время от времени глубоко задумывался, глядя в пространство прямо перед собой.

•••

«Это она, добрая и милая моя Анечка, всё вынесла на своих тоненьких, но таких устойчивых ножках и узеньких, почти девичьих плечиках, — думал отец Александр, не глядя на супругу, а просто физически ощущая всегдашнее её присутствие. — Без внимательного и преданного человека нет ни одного свершения, великого или малого. А за всем этим жизнь... не система уравнений, хотя бы и в своей полноте, но сбивчивое дыхание — слёзы и радость, боль и покой...

Если бы не Аня, лежать мне здесь в одиночестве и философски себя убеждать, мол, из праха ты взят и в прах вернёшься. С ней я жив по-настоящему, а не по-философски! Как ум ни настраивай, а душа и тело ждут своего: этой — чтоб тепло и покойно, тому — чтоб было, к чьему плечу припасть. Э-эх, батюшка, когда-то мог сам подставить плечо, а теперь ждёшь милости...

Ожидание бывает утомительным, когда обещано нечто радостное, а тут что?.. В расход никто не спешит себя сдавать. И всё же... томятся и обреченные. Вскоре последний вдох... но когда же он наконец! — Да не спеши ты! — Но я хочу знать, когда?! Зачем это тебе? — Хочу и всё! — Не устал ещё от несбыточных мечтаний и надежд? Потерпи...»

Отец Александр приподнялся на постели, чтобы выпить глоток воды, и невольно застонал от боли.

— Тебе плохо? Позвать сестру с уколом? — встревожилась супруга.

— Нет-нет, я только поудобней устроюсь.

— Ещё подушку?

— Хватит, только сбивают с толку эти подушки. Как ни устраивайся, все неловким кажется, пока не напишешь что-нибудь дельное.

— Так пиши, Саша, не буду тебе мешать.

— Только не уходи, сядь посиди, пока пишу. Потом чай будем пить... с тортом «Наполеон»... ну и название! Вчера принесли мои деревенские, говорят, самый последний рецепт... из столицы.

• • •

Палата особой терапии, первый московский хоспис, канун лихих девяностых. Тяжело больной священник пишет исповедь. Его путь — жертвенная жизнь человека, одаренного разумом и восприимчивым сердцем. Немного ему

уже осталось, ушли друзья и коллеги, многие из которых стали очень близкими людьми. Не так было раньше, когда холод разочарования чуть не разъединил сердца людей, близких по уму... и по духу.

Начиналось всё блестяще на рубеже семидесятых. Откатилась лирическая волна, угомонились «шестидесятники», настало время прагматиков. Мысли были прикованы к переменным и константам, графикам и таблицам. Если рассуждения сходились к тому, что получили в опыте, то наступало всеобщее ликование, — смотрите-ка, так и по формуле выходило. Точно предсказанный результат вызывал желание продолжать и достичь большего, потом ещё большего... Нет предела для человеческого ума, убеждены были молодые физики, которым все удавалось, только не стой на месте, твори!

Бурные споры, долгие обсуждения и мимо-летные обиды, обретения и потери, все казалось скоротечным и незначительным по сравнению с главным — каковы будут окончательный результат и выводы из него. Заключить бы в умные формулы все, что не поддаётся ни эмоциям, ни слабостям характера! Куда там фантазёрам до практиков — смотрите, какой результат эксперимента, и запоминайте! Это вам не стишки декламировать да не картинки рисовать.

Его величество атом, начало всех начал, основа материи с её законами. Здесь заключена мощь, неодолимая первобытная сила, перводвигатель и первопричина всего сущего во Вселенной. Сторонитесь, неучи, невежды и слабаки! Мощь знаний опрокидывает домыслы туманных мечтаний, лирических басен и нелепых верований. Отошла их пора.

Слушайте прежде голос своего разума... а если его недостаёт, склоните голову перед теми, у кого есть избыток. Пусть им будет дорога, тогда никто не сможет больше обманывать человечество разными писаниями и легендами. Мол, родился беспорочно и умер, чтоб воскреснуть... Зачем это всё? Для кого? Незачем склонять голову перед мраком Средневековья! Раскрывшим тайну атома не нужен философский камень!

Потом наступило другое время. Не своей лёгкой доступностью, а непредсказуемым коварством обернулась тайна атома. Пришли в движение иные механизмы, и внезапно сработало то, что было неподвластно разуму и тем более чувствам. Удивления уже не бывает, когда вступают в сферу, запредельную для разума и чувств. И загорается ум — вот оно, тайное, близко. Но... это лишь кажется, на самом деле оно так далеко! А разве успокоится человек? Нужно идти дальше и брать больше! Пока хоть что-то возможно...

Где же грань тайны, за которой наступает разрушение и хаос? Как этого избежать, не переступая пределов возможного? Кто может остановить во время разгона по дорожке, ведущей к самому краю обрыва? И для чего избранным такое знание, которое всем прочим грозит бедой. Не стоит ли прежде оглядеться по сторонам? Да и назад взглянуть не мешает! Может быть, во тьме «средневековья» заблестит жемчужина или нетускнеющий металл отразит луч света? И прояснится знание, а тайна приоткроется, чтобы уберечь от хаоса неведения.

Углубившись в размышления своим ясным, как прежде, умом, отец Александр написал несколько предложений. Потом, прочитав первые строки своей исповеди, устало отклонился к спинке постели — успеть бы довести её до конца. А что будет там, в конце, знает Бог...

И С С Л Е Д О В А Т Е Л И

Каково ваше мнение, товарищи, — молоджаво выглядевший учёный секретарь энергично оглядел сидевших за круглым столом коллег, — где будем собирать установку?

— На одном из сибирских комбинатов... в Томске, например? — руководитель научной группы сибиряков седовласый профессор Розов думал о фронте работ для своих подопечных.

— А может быть, в Красноярске? — вставил реплику товарищ из министерства.

— Или у нас в Челябинске. — Приглашённый на совет директор комбината располагал большими возможностями.

— Ладно, увидим, а вам, Пётр Алексеевич, — следом за секретарем все повернули головы к Розову, — вместе с Захаровым надо приготовить проект

испытаний к следующему совету. Там и решим все вопросы, на сегодня объявляю заседание закрытым.

Учёный секретарь поднялся со своего места, члены совета потянулись к выходу, а Пётр Алексеевич Розов немного задержался, делая записи в блокноте. Полученные его аспирантом данные фактически стали поводом для расширенного заседания совета. И закрытый учёный совет института постановил — собрать установку с «эффектом Захарова» на одном из комбинатов отрасли, сделать необходимые измерения и провести тесты, чтобы приготовить всё для испытаний на полигоне.

— Молодой мозг быстрее на всё реагирует и готов создавать новое, не оглядываясь назад. — Розов догнал коллег, самому молодому из которых было далеко за пятьдесят.

— М-да, Пётр Алексеевич, пора бы уже передавать им дела и... куда-нибудь в глушь, где ничья нога не ступала.

— По грибы да на рыбалочку... э-эх!

— А лучше на дачу, огородик да яблочки. Сидр, варенице, наливочки... гостей полон дом.

— Ага, самоварчик с сапогом и чаёк на травах!

— Да ну вас, «в глушь», «на рыбалочку»! — возмутился самый молодой из учёных. Мы ещё покажем, рано списывать нас со счетов!

— Показать-то покажем, а создают пусть они, Захаровы...

Философски переговариваясь между собой, учёные разошлись, довольные результатами совета и полные решимости довести проект до эксперимента. Несмотря на мирный тон, оставались, однако, разногласия, убрать которые было никому не под силу. Соперничество идей, как известно, — двигатель прогресса.

• • •

В разных лабораториях мира искали решения проблемы и не находили способа «упаковки» ядерного продукта для достижения эффекта наибольшей силы. Захаров — многим становилось ясно — решил эту проблему... по крайней мере теоретически. Блестящий ученый, недавний выпускник и аспирант инженерно-физического института, Александр Захаров давно был на слуху в институтских кругах.

— Смотри, Саш, опять тебя сегодня вызывают на ковёр. Неспроста это, видно, зацепило их, — Игорь говорил без тени зависти, но с некоторым вызовом.

— Н-не знаю, моё дело получить точные данные, чтобы не промахнуться мимо эксперимента...

— Ну даже если и не подойдёт, можно ведь подогнать? — шутливо заметил Игорь.

— Пусть другие этим занимаются, — отмахнулся Александр, — а у нас хватит времени, чтобы нащупать точную кривую и рассчитать ее параметры.

— Потом уточним, если нужно, — отреагировал Игорь. — Думаю, не выше второго порядка стоит оценивать разброс.

— Посчитаем дисперсии автономно, без оценок «первых моментов», тут у меня вроде бы все сходится, если будут независимые наблюдения.

— А... «метод трёх полей»...

— Ну да, а кроме того, есть его расширение — шеф уже читал мои выкладки. Сначала ругался и спорил, потом неожиданно предложил написать статью для академического издания...

— Пришлось и ему согласиться! Против логики не пойдёшь. — Игоря всегда радовала интуиция Александра.

— Заманчивое предложение, но когда этим заниматься?! Командировки, одна за другой! На комбинате ждут алгоритмов и программ.

— Ничего, в самолёте напишешь или в зале ожидания, тебе не привыкать...

Игорь знал, о чём говорил. Своего друга и коллегу на работе он не заставлял иначе как за столом с ручкой перед исписанным формулами листом. Приходил раньше всех, а пальто в раздевалке забирал последним. Некоторые же

появлялись в лаборатории лишь к обеду и, видя Захарова, шипели ему вслед:

— У-у-у, больше всех ему надо... р-р-ра-ботоголик!

Между тем за короткое время Александр многого достиг. Он подавал серьёзные надежды, и постепенно вокруг его проекта сформировалась команда исследователей высокого темперамента и способностей. Захаров заражал своей энергией и преданностью делу. Глядя на него, одни отодвигали в сторону шахматные доски и зачехляли теннисные ракетки, другие отрывались от футбольных дискуссий и садились за расчёты. В конце концов, многие оставались довольны и собственными результатами.

— Сегодня аж покраснел, мысленно конечно. Прихожу с утра, думал буду первым, хоть немного поработаю, пока никого нет. Гляжу, сидит — пишет и пишет... Здорово, Саш, говорю. Тот не шевельнулся. Ну, решил, сейчас тебя разыграю.

— Ну и как?

— Подошёл к нему сзади, хотел встряхнуть, мол, не спишь тебе. Глянул в его расчёты и... хм, не поднялись руки.

— Испугался небось?

— Да ну! Просто стыдно как-то, честное слово, сты-ы-дно! Сел за свой стол и начал писать. Поверите? — полегчало, будто что-то общее делаем... и стало хорошо так...

— Ладно тебе, «хорошо», просто он тебя разыграл, а не ты его! Проверял небось, кто первый явится после него на работу...

— Не знаю, кто — кого, но пришёл азарт... хоть что-нибудь полезное сделать за день.

— Бывает, надоест всё и... правда, начнёшь работать.

• • •

Врожденная интуиция помогла Александру рассчитать нужные параметры и определить состав устройства, которое напоминало слоеный пирог. А в основу его легли совсем иные принципы, чем те, что были выявлены у американцев. Открытие, готовое перевернуть мир, виделось ему совсем близким. Сейчас надо довести до ума теоретические выкладки, точно вычислить константы и получить зависимости переменных для всех «слоёв пирога». Затем смоделировать процесс — и на полигон. А тогда... держитесь, коллеги!

— Вечером прилетел из Томска, э-эта-а-к все там завершилось, — начал рассказывать Игорь.

— Чего, с программистами повздорил?

— С их начальником. Макарыч, говорю ему, тут моя программа, пусть девчонки на перфокарты введут к вечеру. А он: держи карман — сам набьёшь свои перфокарты.

— О-обозлился Макарыч, когда у-у-знал, что р-работы п-прибавится с нашим

п-проектом, — подал голос заикавшийся Андрей Яковлевич Кушнир, один из старших сотрудников.

— Потом и зарплаты добавят, если проект сдадим, — сказал Александр.

— П-почем знать, Александр Иванович, — осторожно заметил Кушнир, — это р-руководству к-комбината решать, а не нам.

— Напишем в министерство, кто из комбината участвовал в проекте, — продолжил Захаров, — и дадут им премию, пусть только раньше времени не суетятся.

— Вот именно, Саш, они уже и засуетились, а что им будет с этого заказа? Мол, разберитесь сначала и нас впишите в список участников, — Игорь внимательно посмотрел на друга, — а потом они скажут — это наша реализация, а всякие Захаровы тут ни при чем!

— Пусть говорят что угодно, главное — получить результат и сделать установку. А без них это не получится.

— Конечно, все понимают и потому суетятся...

— А что, если нам с-сделать м-макет, слоеный такой п-пирог из теста с н-начинкой, — Кушнир улыбнулся, изображая, будто держит в руках кусок пирога и подносит его ко рту.

— Точно, и показать, что будет с теми, кто не знает, какая в пироге начинка!

— Ха-ха, пирог-то может быть с горькой полынью, — учёные развеселились.

— Знать надо все — про тесто и про начинку... прежде чем переходить к реальной установке!

— Или, к п-примеру, — продолжил Кушнир, — з-засекретить основные п-параметры...

— Точно, без допуска к ним никому не позволять делать расчёты. А потом поменять их величины, — смотрите-ка, вот где собака зарыта, — народ продолжал развлекаться, — и комбинатские останутся с носом. Все увидят, что реализация проекта целиком в наших руках.

— Гм, — Игорь посерьёзnel, — это можно сделать лишь после того, как всё будет готово к испытаниям. Думаю, Макарыч со своими обо всём догадается и раньше поставит свои условия.

— В общем, увидим, — заключил Александр, — а прежде чем «политикой» заниматься, надо ещё дело сделать!

Молодые ученые сутками пропадали на работе и неделями — в командировках на атомных предприятиях в Сибири. Возвращаясь, рассказывали об очередной стычке с заводскими: приезжают, мол, столичные, опыта нет, только воду мутят. Смеялись друг над другом и над заводским начальством, но беззлобно. Всякий понимал, в Сибири на заводах не слишком развернёшься с наукой. Надо план делать, тогда

премиальные, иначе... ковыряйся в своих формулах, никому это особо неинтересно.

• • •

За свою долгую военную службу родитель Александра, Иван Сергеевич Захаров, теперь отставной офицер, пересекал необъятные родные просторы из конца в конец дважды. По приказу командования они вместе с женой Еленой Станиславовной в один вечер собрались и первым поездом выехали от границы с Латвией в Хабаровск. Поместились сначала в бараке с «удобствами» в дальнем углу большого двора. Потом получили небольшую квартиру, где и появился на свет Саша. «Удобства» тоже были во дворе, но не так далеко, как прежде.

Из артиллеристов за несколько лет службы на Дальнем Востоке Иван Сергеевич переквалифицировался в редакторы армейской газеты. Сначала был репортёром, потом получил приказ взять на себя всю редакцию. Не по возрасту стремительно развилась его способность составлять живые репортажи с места событий. Статьи были с юмором и житейским вниманием, но без собственных оценок — пусть читатель разберётся, что к чему. Раз за разом его материалы становились всё популярней среди служивых.

Были, однако, и недовольные стремительным назначением — некоторое время Иван Сергеевич ощущал на себе не только завистливые

взгляды, но и пристальное внимание. Не напишет ли чего малограмотного... политически. А тогда уже дело техники — подать статью, куда надо, со своими комментариями. Одну, другую, а там и снимут неопытного редактора. Или, может, достанется даже покрепче, кто знает...

Тонкое чутьё и благосклонная судьба ни разу не подвели старшего Захарова. Остались ни с чем его недоброжелатели, а руководство слишком привыкло к газете, чтобы легко отпустить семью главного редактора назад за Урал. Впрочем, спустя довольно много времени назначение в Москву для многих уже не стало неожиданностью. И семья Захаровых с Сашей, который уже давно ходил в школу, вторично пересекла родину почти от края до края.

Москва встретила Сашу, мягко говоря, недружелюбно — школьные драки, выяснения отношений и кляузы учеников друг на друга. Дополняло картину взаимное недоверие сына с родителями оттого, что учителя постоянно жаловались на Сашу, описывая его поведение так, чтобы вызвать их жёсткую реакцию, главным образом, конечно, отца.

— Даст ремня, и будет знать, как пререкаться с учителями, — вслух рассуждала класная руководительница.

— А попробуйте с ним по-хорошему, — советовали коллеги.

— Верите, не могу. Смотрит на меня и будто не видит. Никакого почтения!

— Так, может, не понимает, чего от него хотят...

— Как же, не понимает, — наоборот, умный слишком!

Однажды на уроке физкультуры Саша всем утром почувствовал недоброе. Ребята между собой тихо переговаривались, а при его появлении смолкали, делая вид, что заняты совершенно посторонним делом — кто шнурки завязывал на кедах, кто в третий раз переодевал майку, а кто придумывал какую-то чепуху, над которой сам же и смеялся. В общем, запахло выяснением отношений...

Когда он зашёл в раздевалку, его вещи оказались раскиданными по разным углам, а прямо на портфеле стоял школьный «авторитет» по кличке Жиган. Его окружали Сашины одноклассники, на чьих лицах читалось презрение и даже ненависть. «За что?» — только и успел подумать Саша, как получил откуда-то сбоку первый удар под ребро. Захрипев от неожиданности, он согнулся и тут же вторым ударом в спину опрокинулся назад.

— Эй вы, хорош там! — приказал Жиган. — Хочу спросить пацана кое о чём.

— Чего спрашивать, врезать ему, пусть знает своё место!

— Молчать! — прикрикнул Жиган и повернулся к едва распрямившемуся Саше: — Прибыл, значит, в Москву, говоришь?

— С семьёй... отец — военный, — Саша ещё кривился от боли.

— А порядки тут, знаешь, какие?!

— Знаю, — Саша посмотрел Жигану прямо в глаза.

— Ну?!

— Чтоб младших не обижать!

— Ты смотри, у-ум-ный?!

— Точно, Жиган, он первым всегда решает примеры по математике, — услужливо подсказали со стороны.

— Так вот, — Жиган ткнул кулаком в Сашкину грудь, — будешь делать мне «домашку».

— А на контрольных? — пусть решает для всех, а? — раздался голоса.

— Там посмотрим, — заключил Жиган и добавил: — Никому его не трогать!

С тех пор и закрепилось — самому Жигану «домашку» делает, под его защитой, значит. А решить несколько задачек, хотя и старшего класса, для Саши не составляло особого труда, но в школьных отношениях это сослужило ему большую службу. Если кто постарше и понаглее захочет, бывало, сделать пакость, так другие подскажут, — с Жиганом дело будешь иметь! И тот, выкатив глаза, откатывается — никому не хочется получить по рогам.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Пролог	3
Глава 1. Исследователи	12
Глава 2. Проект века	49
Глава 3. Библия	85
Глава 4. Деревенский священник	120
Глава 5. «Свет» Чернобыля	162
Глава 6. Новые отношения	207
Глава 7. Женька Ершов	249
Эпилог	297

УДК 242
ББК 86 372
3134

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р18-815-0570

Завершинский Георгий
3134 Атомный пастырь. — М. : Издательство
Московской Патриархии Русской Православ-
ной Церкви, 2019. — 304 с.

Талантливый физик-ядерщик, возможно, буду-
щий «отец нового оружия» в годы «холодной вой-
ны» обретает веру в Бога, ищет путь для ее испо-
ведания и становится священником. Чем обернется
для него тот путь, покажет схватка с невидимым
врагом – чернобыльской радиацией.

© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2019
ISBN 978-5-88017-733-2 © Завершинский Георгий, текст, 2019

Художественная литература

Георгий Завершинский

АТОМНЫЙ ПАСТЫРЬ

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*. Редактор *И. Черкесова*.
Технический редактор *З. Кондрашова*. Корректоры *Г. Абудеева*,
Т. Горячева. Верстка *М. Алимбиев*.

Подписано в печать 16.10.2018. Формат 84×108/32. Объем 9,5 п. л.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ № .

Издательство Московской Патриархии Русской Православной
Церкви. 119435, Москва, ул. Погодинская, 18. Оптовый отдел
реализации: (499) 246-20-85, 246-52-08. Магазин на ул. По-
годинской: (499) 245-30-68. Магазин на ул. Бакунинской:
(499) 246-25-35. e-mail: books@rop.ru. <http://www.rop.ru>